

М.С. Гусельцева

ПОНЯТИЕ ПРОГРЕССА И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье анализируется понятие «прогресс» и критерии прогресса в развитии психологии и гуманитарных наук. Автор доказывает, что прогресс в психологии связан с типами научной рациональности, которые образуют следующие стадии в развитии психологии: до-парадигмальная стадия, когда психология развивалась в русле философии; стадия классической рациональности, которая связана с появлением психологии как самостоятельной научной дисциплины и представлена классической психологией (эта стадия заканчивается с появлением так называемого «периода открытого кризиса»); стадия неклассической рациональности, на которой происходил расцвет психологических школ XX века, характеризующихся вариативностью научных подходов; стадия постнеклассической рациональности (эта современная стадия характеризуется критическим рационализмом в научной рефлексии, междисциплинарным дискурсом и ориентацией научного познания на сетевой принцип организации и герменевтику).

Ключевые слова: прогресс психологии, парадигмы, тип рациональности, постнеклассическая рациональность, сетевой подход.

Понятие прогресса и его отражение в науках о человеке

В первую очередь следует определить, что мы понимаем под прогрессом, поскольку в психологии существует давняя традиция разночтения терминов. В изначальном смысле прогресс означал характеристику развития: буквально прогресс — это «движение вперед». Прогресс был одной из ключевых идей Просвещения. В этом смысле прогресс понимается как поступательное движение от простого к сложному, от низшего к высшему, от несовершенного к совершенному. Эта идея прогресса была воспринята естественными науками в XVIII–XIX вв. и, соответственно, ориентирующей на них психологией. Однако такое понимание прогресса сегодня устаревает и изживается даже в естественных науках.

Н.А. Бердяев в «Смысле истории» писал, что «учение о прогрессе есть временное учение XIX в., отражающее состояние сознания европейского человечества в XIX в. со всей [его] ограниченностью...»

[3, с. 149] и порождающее разного рода исторические утопии. Идеология Просвещения породила в психологии методологические установки эволюционизма и объективизма. *Эволюционизму* свойственно представление об универсальных законах развития культуры и психики, выделение последовательных этапов или стадий развития. Источником эволюционной идеологии служили известная теория Ч. Дарвина, учение Г. Спенсера и другие идеи английского Просвещения. Постулаты эволюционизма сводились к следующему: начиная с кроманьонца, природа человека повсюду одинакова; развитие идет от низшего к высшему, и в нем можно выделить прогрессивные стадии; европейский путь развития культуры универсален и для других народов. *Объективизм* сводился к требованию научной строгости и точности исследований в позитивистском понимании. С этими установками были связаны определенные достижения психологии (проникновение в нее эволюционных идей, выделение

стадий развития психики, генетический метод), но затем они исчерпали свой методологический потенциал и позитивистская идеология стала тормозом развития науки. На смену идеологии позитивизма в настоящее время приходит герменевтическая логика, берущая свое начало в гуманитарном знании.

Что такое прогресс в гуманитарных науках? Популярный сегодня в связи с темой постмодернизма антрополог Клиффорд Гирц (1926–2006) — создатель теории интерпретации культур — показывает, что в анализе культуры знание «выплескивается струйками». Анализ культуры — это не восхождение на гору знания, а хождение вокруг да около все более смелыми концентрическими кругами. Такое кружение вокруг темы предполагает ее расширение и углубление. К. Гирц пишет: «Одни исследования базируются на других, но не в том смысле, что они продолжают начатое другими, а в том, что, обладая большей информацией и концептуальной основой, они более глубоко изучают то же самое. Каждый серьезный анализ культуры начинается с самого начала и доходит туда, куда удастся добраться, пока не будет исчерпан интеллектуальный импульс. Исследование удачно, если оно более проникательно, чем предыдущие, но оно не стоит у них на плечах, а наперегонки бежит рядом» [6, с. 194].

На смену эволюционизму и объективизму в гуманитарных науках в 60-е гг. XX в. пришли релятивизм и культурная аналитика (см. [12]). К. Гирц утверждает, что наиболее подходящий жанр для интерпретации культуры — это этюд, очерк, эссе. Цель теории в антропологии — «не создать свод абстрактных правил, а сделать возможным “насыщенное” описание» [12, с. 194–195]. Иными словами, плетется сеть гуманитарного знания. Теоретические конструкции не создаются заново, а заимствуются из сходных исследований, совершенствуются и используются для

новых интерпретаций. Прогресс здесь связан с использованием разных техник интерпретации, которые создают или модернизируют под исследовательскую задачу. Прогресс «происходит таким образом, что можно выбрать направление теоретического развития в связи с одной попыткой этнографической интерпретации и применить ее в другой, при этом добиваясь больших точности и соответствия; но невозможно написать “Общую теорию культурологической интерпретации”» [12, с. 196].

Иногда высказывают опасения, что психология, ориентирующаяся на методологию гуманитарных наук, превратится в искусство. На это можно возразить, обратившись к примеру истории: когда история сменила парадигму (с позитивизма на герменевтику), она не перестала быть историей. «Осень Средневековья» И. Хейзинги — это исторический труд, который не утратил научности от того, что написан живо и интересно (хотя современники его нещадно критиковали). Другой пример — популярное сегодня междисциплинарное предприятие, получившее название «история повседневности».

История повседневности — междисциплинарная область исследований образа жизни и его изменений. Она возникла в результате исчерпанности парадигмы позитивизма и устаревания марксистского и структуралистского подходов. Ее методологическими источниками стали идеи Э. Гуссерля («жизненный мир»), А. Шюца («мир человеческой непосредственности»), Н. Элиаса, а также идеи социального конструкционизма, этнометодологии (Г. Гарфинкель) и интерпретативной антропологии (К. Гирц). История повседневности представлена двумя течениями — французским, берущим истоки из традиции «Анналов», и германской и итальянской историософией (Х. Медик, А. Людтке, К. Гинзбург, Д. Леви). Современная история повседневности строится

в логике междисциплинарного дискурса. Методы ее исследований включают в себя герменевтический анализ источников, анализ символических форм (слов, образов, поступков), включенное наблюдение, анализ фокус-групп и др. Однако в университетах история повседневности пока не нашла для себя пристанища. Там процветают автономные дисциплины: «история по-прежнему изучает “события”, психология — “эмоции”, а этнография — “быт”» [18, с. 16].

«...Изучение истории повседневности — поле, где с наибольшей полнотой осуществляется творческий синтез дисциплин всего гуманитарного цикла, где переосмысляются, дополняя друг друга, данные археологии и лингвистики, литературоведения и фольклористики, экономической и социальной истории. Здесь традиционные для исторического анализа методы сочетаются с постановками вопроса, свойственными этнографии, психологии и социальной антропологии» [27, с. 98]. «История повседневности» в зарубежной науке выступает антитезой социальной истории, протестом против абстракций и глобальных теорий, она сосредоточена на изучении жизни индивидуальной личности в контексте определенной культуры.

Историк Жан Гренье, представитель направления «Анналы», заметил, что, занимаясь историей 25 лет, он все время слышал, что история находится в кризисе, и у него создалось впечатление, что кризис — это «постоянное состояние исторической дисциплины». Присмотревшись к этому кризису повнимательнее, он обнаружил, что кризис поддерживается междисциплинарным обменом идеями и повышенной рефлексией историков к своей методологии. И поэтому «не следует желать конца “кризиса истории”, т.к. бессмысленно говорить о стабильных парадигмах или о единственном способе жизнеописания» [7, с. 143]. К концу

XX в. историки преодолели традицию интерпретации истории «в рамках каузальности». Одним из критериев прогресса в истории стала междисциплинарность. Ж. Гренье видит «вокруг себя все больше коллег-историков, которые читают книги по другим дисциплинам и постепенно осваивают определенную культуру социальных наук, что было раньше редкостью» [7, с. 151].

Американский философ испанских корней Джордж Сантаяна (1863–1952) посвятил одну из своих статей размышлениям о прогрессе в философии. Веру в прогресс он считает предрассудком. Цель философии — понимание мира, и эта цель до сих пор не осуществлена, хотя и появилось невероятное количество гипотез, вариантов трактовки мира. Само появление множества таких концепций служит критерием прогресса, понимаемого как развитие. Однако новейшие концепции не лучше древних, а нередко и уступают им по глубине [20].

Прогресс в поэзии связан с тем, что новые поэты пополняют общий культурный фонд, но не отменяют самоценности Гомера, Данте или Шекспира.

В философии обращает на себя внимание существование разных моделей развития: теория самоорганизации, концепция ноосферы, концепция коэволюции, творческая эволюция А. Бергсона и т.п. Идея развития как прогресса, как правило, связана с западным типом мышления. В восточной традиции концепции развития носят по преимуществу циклический характер, и развитие нередко рассматривается как просветление или духовное совершенствование.

Существуют концепции развития как конфликта и развития как взаимопомощи. Гераклит, Г. Гегель и К. Маркс понимали развитие как единство и борьбу противоположностей, Ч. Дарвин предложил эволюционную теорию, в основе которой лежала борьба за выживание, тогда

как П.А. Кропоткин, приводя обширный феноmenoграфический материал, доказывал, что основной механизм эволюции — сотрудничество и взаимопомощь.

Наиболее универсальная модель развития представлена в концепции всеединства В.С. Соловьева, значительно повлиявшей на отечественную философско-религиозную и гуманитарную психологическую мысль. В.С. Соловьев отмечал, что «не всякие изменения в организме образуют его развитие. Такие изменения, в которых определяющее значение принадлежит внешним, чуждым самому организму деятелям, может влиять на внешний ход развития, задерживать его или и совсем прекращать, разрушая его субъект, но они не могут войти в содержание самого развития: в него входят только такие изменения, которые имеют свой корень или источник в самом развивающемся существе, из него самого вытекают и только для своего окончательного проявления, для своей полной реализации нуждаются во внешнем воздействии» [21, с. 311]. Материал развития и толчки даются извне, но «это побуждающее начало может действовать ...лишь сообразно с собственной природой организма» [21]. Внешние воздействия составляют лишь материальную причину и действующую причину развития, но формальная и целевая причины заключаются в самом субъекте развития.

Согласно В.С. Соловьеву, существенный признак развития — это цель. Развитие — это изменение, имеющее начало идвигающееся к определенной цели. Если мы знаем закон развития растения, то мы можем установить и цель развития — плодоношение. Развитие для В.С. Соловьева — это прогрессивное изменение, и концепция развития В.С. Соловьева определенным образом ориентирована на понятие прогресса.

Во всяком развитии В.С. Соловьев обнаруживает три стадии: первоначальную

целостность, характеризующуюся слитостью, смешанностью и индифферентностью частей; вторая стадия связана с выделением и обособлением компонентов; третья стадия — итоговая целостность, с оформлением и сложной структурой связей между компонентами; их соединяет солидарность. Установки на конфликт и на солидарность — соответственно, второй и третий этапы. Эта модель развития (как будет показано ниже) может быть переосмыслена в контексте представлений о классической, неклассической и постнеклассической рациональности.

На сегодняшний день сосуществуют линейная (просвещенческая) и циклическая модели прогресса. Данные модели описывают отдельные аспекты реальности, выделяя в ней либо линейные, либо циклические моменты развития. Заметим, что всякая модель — это идеальная модель. Существуют также представления о развитии в виде «спирали», «стрелы» или «ритмических колебаний». Например, ритмическая модель конструируется посредством описания смены стилей в искусстве, колебанием естественно-научного и гуманитарного дискурса (в истории науки), чередой авангардизма и постмодернизма как транскультурных феноменов (У. Эко), сменой доминанты развития познавательной и мотивационно-потребностной сфер и т.п.

Иными словами, есть разные представления о прогрессе или модели развития. За эволюционистскими моделями развития обычно стоит линейная схема, но развитие может идти не только вперед, но и вбок, и вширь. Как мы видели выше, в гуманитарных науках исследователи ходят вокруг одной темы кругами: расширяют и углубляют ее, и это иная модель развития. Эволюционизм дополняется релятивизмом, а методологическими предпосылками концепций культурного релятивизма нередко выступает постмодернизм. Постмодернисты

Ф. Гваттари и Ж. Делез, изучая различные модели устройства мира, описали три модели развития: *стержневую* (в ее основе лежит «корень», и здесь предполагается иерархическое устройство реальности), *мочковатую* (в основе которой «корешки», и здесь имеет место смешение порядка и хаоса) и *сетевую* (она представляет собой «ризому», «грибницу», и в культуре отсутствует единый стержень, нет определенного вектора развития). Именно сетевой тип организации культуры (и науки) отвечает принципу «все связано со всем, центр — везде, в каждой точке».

О каком типе развития может идти речь в психологии? История этой науки показала, что психология развивается «не в ствол, а в куст» (В.П. Зинченко), это может быть «мочковатое», а нередко и сетевое развитие.

Трактовка прогресса как поступательного движения от простого к сложному, от низшего к высшему, от несовершенного к совершенному сегодня уже не столь актуальна. Понятие прогресса усложнилось. Прогресс — это развитие, которое не всегда целенаправленно и совсем не линейно. Современными критериями прогресса являются междисциплинарность и коммуникативность исследований.

Обратимся теперь к психологии. Что такое прогресс в психологии? Понятие прогресса в психологии неразрывно связано с моделью ее развития. Моделирование же развития психологии возможно по разным основаниям: по предмету (П.Я. Гальперин), по этапам развития науки (Т.Д. Марцинковская), по проблемам (В.А. Роменец) и развитию категориального аппарата (М.Г. Ярошевский), а также в связи со сменой типов рациональности (П.А. Мясоед, М.С. Гусельцева). На мой взгляд, критерием прогресса в психологии как раз и служит смена типа рациональности: от классической к неклассической, а затем и к постнеклассической.

Парадигмы или смена типов рациональности. Внешний и внутренний планы развития науки

Понятие «постнеклассическая наука» принадлежит В.С. Степину, описавшему три исторических типа рациональности, соответствующих состоянию науки: классическую, неклассическую, постнеклассическую [22]. *Классическая рациональность* была обязана своим появлением промышленному перевороту и успехам естествознания, ее идеалами являлись безличность знания, представления об истинной картине реальности, достигаемые посредством объективных методов, механическая, а позднее и органическая метафоры. На рубеже XIX–XX вв. возникла *неклассическая рациональность*. Ее особенностями стали рефлексия зависимости истины от метода, «личностное знание», попытки преодоления дихотомии объекта и субъекта, понимание исторической обусловленности науки. Развитие *постнеклассической науки* В.С. Степин связывает с последней четвертью XX в. — с информационным состоянием мира, когда объектом исследований становятся уникальные саморазвивающиеся системы. В постнеклассической науке возникают проблемно-ориентированные исследования, требующие междисциплинарного дискурса, особых способов описания реальности, диалога естествознания и гуманитарных наук. Постнеклассическая наука, согласно В.С. Степину, представляет собой тип научной рациональности, объединивший науки о природе и науки о духе. В современном познании возникла общенаучная картина мира, где разные типы рациональности не отрицают друг друга, а делят между собой сферы влияния. В зависимости от исследовательских задач одна и та же реальность может быть рассмотрена с разных позиций и выступить предметом освоения в разных типах рациональности [22].

Поскольку концепция смены парадигм Т. Куна создавалась исходя из опыта естествознания, то, на наш взгляд, в психологии уместнее вести речь о смене интеллектуальных стилей, об «идеалах рациональности», ориентируясь при этом на концепцию М.К. Мамардашвили [15] и модель нормативно-ценностного развития науки В.С. Степина. Хотя это и не исключает употребления термина «парадигма», просто в него вкладывается другой смысл: парадигма — как синоним типу рациональности, паридигма — целостное представление о состоянии науки, ее основных методах и принципах, набор методологических установок и приемов исследовательской деятельности. Типы рациональности последовательно сменяют друг друга, и именно в этой смене обнаруживает себя прогресс той или иной науки.

Однако модель развития психологии должна включать в себя два плана — внешний и внутренний. Внешний план обусловлен развитием психологии в контексте истории науки. Внутренний план связан с логикой становления собственно психологического знания. Разумеется, такое деление условно и представляет собой не что иное, как идеальную модель *этапов исторического развития психологии*.

Если мы обратимся к опыту истории науки, то увидим, что каждая дисциплина в своем развитии проходит три периода — период первоначального синкретизма, период дифференциации и раздробленности, период синтетических устремлений и упований.

Синкретизм — явление архаическое, он характеризуется слиянием всех мыслимых компонентов; это период включенности знания в саму жизнь. Так, на заре человечества мы прослеживаем процессы постепенного вычленения мифологии из обрядово-бытовой сферы, а затем ее распад на отдельные отрасли культуры, такие, как философия, искусство, религия, право, литература и т.п., некогда пребывавшие

в нераздельном единстве. *Синкретический период* развития психологии связан с ее пребыванием в контексте философии. И поэтому вплоть до XIX в. трудно отделить историю психологии от истории философии, но в конце XIX в., когда философия сама начинает испытывать методологические трудности, психология заявляет о себе в качестве самостоятельной науки и ориентируется на интенсивно развивающееся естествознание.

Период дифференциации психологического знания представлен двумя этапами: классическим и неклассическим. Классический этап развития психологии тянется от возникновения ассоциативной парадигмы до ее кризиса. Неклассический этап представляет собой пик дифференциации и появление разнообразия психологических школ как плодов методологического кризиса.

Дисциплины, преодолевшие синкретизм, более или менее долгое время стремятся к самодостаточному, обособленному развитию, тщательно охраняя свои пределы. Но зрелая в своем развитии дисциплина вновь начинает искать контакты и пересечения с другими отраслями знания, обращается к эвристической напряженности своих границ. В ней накапливаются проблемы, не разрешаемые изнутри, и, наконец, умудренная опытом, и не боясь утратить «лица необщее выражение», дисциплина однажды выплескивается из своих пределов. Тогда появляются такие области науки, как биофизика, биохимия, нейролингвистика, социобиология, этносоциология, этнопсихология и т.п. Основным методологическим ресурсом развития дисциплины на этом этапе становится коммуникативная рациональность (Ю. Хабермас), подразумевающая открытость границ, междисциплинарные и проблемно-ориентированные исследования.

Синтетический период развития психологии представлен его первым этапом — постнеклассической рациональностью.

Таким образом в общем контексте науковедения вырисовываются контуры следующих этапов развития психологии: 1) *допарадигмальное состояние*, связанное с развитием психологических знаний в лоне философии; 2) *классическая рациональность*, заявившая о себе претензией психологии на статус самостоятельной науки и завершившаяся так называемым «открытым кризисом»; 3) *неклассическая рациональность*, представленная расцветом психологических школ XX в., ориентирующихся на разнообразные типы анализа; 4) *постнеклассическая рациональность* — современный этап, к особенностям которого относятся критическое осмысление дисциплины (К. Джерджен), междисциплинарный дискурс, сетевой принцип организации знания и герменевтическая ориентация исследований.

Мы видим, что критерием прогресса психологии здесь выступает смена типов рациональности. В этом смысле и кризисы в психологии — явление прогрессивное, поскольку всякий кризис представляет собой вызов, требующий ответа, и таким ответом является новый конструкт — тип рациональности.

На *допарадигмальном этапе* своего развития психология формулировала свой предмет, апробировала различные методы исследования, искала универсальный механизм объяснения психических феноменов. Этот этап завершился становлением ассоциативной психологии как первой психологической школы, сумевшей объединить отдельные «фрагменты» психологического знания в единую систему (возникла собственно психологическая терминология, был найден общий объяснительный принцип — ассоциация) [16].

Классическая рациональность в психологии была связана с ориентацией на естествознание, дискуссиями о предмете и методах исследования и с претензиями психологического знания на самостоятельность. Причем погоня за точностью

и строгостью естественных наук привела психологию к возникновению комплекса неполноценности и к невротической фиксации состояния перманентного кризиса [24]. Среди феноменов, свойственных классическому идеалу рациональности, в психологии отмечают «означивание» неадаптивного поведения как патологии, обсуждение проблем в рамках логических дихотомий, образ рационального и адаптивного человека в культуре. А.Г. Асмолов указывает на такие методологические установки классической рациональности в психологии, как антропоцентризм, европоцентризм, эволюционизм, а также постулаты «непосредственности» и «сообразности» [1].

Ответом на кризис классической рациональности (ассоциативной парадигмы, парадигмы психологии сознания) стало появление множества концепций неклассической психологии, начиная от проектов интенциональной психологии Ф. Brentano и физиологической психологии И.М. Сеченова (главной идеей Сеченова было представление о рефлексивном кольце, благодаря которому мышца становилась не только органом движения, но и органом познания, а внешнее движение превращалось во внутреннее посредством механизма интериоризации). Функциональная и поведенческая психология шли по пути преодоления кризиса исследования сознания как изменения предмета психологии. Психоанализ расширил предметную область психологии, включив в нее бессознательную психику. Гештальтпсихология взяла на вооружение достижения в современной физике. Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского использовала в психологии генетический метод и формирующий эксперимент (последний учитывал роль наблюдателя в исследовании психики). Физиология активности Н.А. Бернштейна, психология установки Д.Н. Узнадзе, междисциплинарная концепция человека

А.А. Ухтомского, деятельностный подход и субъектно-деятельностный подход составили содержание отечественной неклассической психологии. К неклассическим установкам психологической науки обычно относят различные попытки преодоления «постулата непосредственности» путем поисков «опосредующего звена» [1].

Фактически, сравнивая кризисы в науке с землетрясениями, Н.Н. Ланге говорил о смене парадигм. Данный кризис поставил перед психологией задачу выработки *новой системы науки* посредством *критического анализа* всех имеющихся психологических направлений и попытки их *согласования между собой*, а также вызвал необходимость учитывать новые данные смежных с психологией дисциплин — биологии, физиологии, социологии, истории. «Суть задачи сводится ... к тому, чтобы, с одной стороны, признать реальность психической жизни как особого жизненного фактора, подлежащего эволюции, а с другой — не впасть при этом в метафизику и не вступить в конфликт с положительными результатами естествознания» [14, с. 100], — такова сформулированная Н.Н. Ланге суть неклассической психологии.

Однако неклассическая психология — это универсальная психология. И З. Фрейд, и Э. Эриксон, и А.Н. Леонтьев (и идущие по его стопам советские психологи) создавали универсальные, и в силу этого абстрактные модели, будь то стадии развития сексуальности, стадии развития идентичности или периодизация психического развития. Универсальность и жесткость этих схем задавали представление о нормальном и патологическом (отклоняющемся) развитии.

В основе культурно-исторического метода Л.С. Выготского лежала методология марксизма. Именно в марксизме были практически реализованы метод восхождения от абстрактного к конкретному, метод системного анализа и

культурно-генетический метод. Л.С. Выготский был марксистом более, чем другие использующие марксистскую фразеологию современники, он буквально выстрадал марксистскую методологию, впитал ее, сжился с ней и органично применял в собственных работах. Однако в книге «История историка» А.Я. Гуревич обращает внимание на произошедший в 60-х гг. XX в. методологический поворот отечественной гуманитарной науке. Несмотря на то, что некоторые гуманитарии (и среди них М.Я. Гефтер) занимались попытками «нового прочтения» К. Маркса, его историософия, правдоподобно выглядевшая в середине XIX в., уже не могла восприниматься всерьез в начале XX в. Искусственно законсервированная в нашей стране, в мировой гуманитарной науке марксистская философия истории (учение о формах, теория базиса и надстройки и т.п.) оказалась вытесненной *неокантианской методологией*. «...Уже в первой трети XX столетия в западной исторической мысли были выдвинуты совершенно другие методологические принципы исторического исследования. Происходило формирование и утверждение идей неокантианской эпистемологии». «В трудах Виндельбанда, Риккерта и в особенности М. Вебера было показано, что постигнуть непосредственно так называемую объективную реальность нам не дано, не только потому, что она уже прошла и ее нет, но и потому, что ее следы в источниках закамуфлированы; источники эти непрозрачны, нуждаются в расшифровке, а расшифровка их, проникновение через источники в то, что происходило в прошлом, возможны только в том случае, если мы займемся анализом понятийного аппарата, познавательных средств...» [8, с. 109].

В чем преимущество неокантианской методологии по сравнению с марксистской? В марксизме «понятийная схема дана априорно», раньше, чем исследован материал; ее можно лишь «модифицировать,

уточнять, обогащать...» В неокантианстве исследователь начинает с идеализации, «идеальной модели», «идеального типа», который впоследствии не только уточняется, но и может быть кардинально видоизменен под давлением конкретного историко-культурного материала. «Согласно марксистской схеме, надо элиминировать те факты, которые ей мешают, отвлечься от них, просто считать, что это нетипично, не так важно...». В неокантианской методологии идеальный тип — это «не схема, которой следует подчинить конкретный материал, а инструмент, при помощи которого я его собираю, изучаю, систематизирую и обобщаю» [8, с. 110]. Неокантианская методология особенно настойчиво подчеркивает инструментальную роль историко-культурных понятий. Более того, А.Я. Гуревич утверждает, что история сделалась по отношению к естественным наукам самостоятельной областью знания только тогда, когда неокантианцы преодолели позитивистскую методологию, своим универсализмом препятствующую осмысливанию конкретного уникального материала, и выработали специфические методы гуманитарных наук.

В середине XX в. историческая наука переживала свой методологический кризис, и способом его разрешения стал выход из дисциплинарных границ и обращение историков к опыту других гуманитарных наук, таких, как археология, этнология, антропология. Междисциплинарный подход выступил здесь средством выхода из методологического кризиса. С другой стороны, прорывом в развитии гуманитарного знания в 60-х гг. XX в. стала семиотика, сосредоточившая внимание на различии планов выражения и планов содержания при анализе текстов.

А.Я. Гуревич в отечественной гуманитарной науке оказался последовательным воплощением неокантианской методологии. Он рассматривал неокантианство как антитезу позитивизму (включая марксизм).

Более того, А.Я. Гуревич обнаружил принципиальное сходство в методологии неокантианства и методологии французской исторической школы «Анналы». Суть новой методологии выразилась в переходе от анализа универсальных законов — к уникальным событиям, от «объективизма» — к «культурной аналитике», от позитивизма — к герменевтике. Последовательное применение неокантианской методологии привело А.Я. Гуревича к убеждению, что не существует личности как универсальной категории, а наполнение понятия «личность» меняется от эпохи к эпохе. Так, средневековая личность — иная, нежели новоевропейская, но даже в одной средневековой эпохе структуры личности горожанина, крестьянина и рыцаря различны. Во всяком обществе в определенную эпоху существует не «базисный» тип личности, а «разброс» типов, обусловленный как социальной структурой и степенью усвоения культурных ценностей, так и врожденными особенностями индивидов.

Новая исследовательская парадигма получила название постнеклассической науки. Если классическая и неклассическая психология методологически ориентированы на естествознание, то постнеклассическая психология ищет себя в методологическом контексте гуманитарных наук. Постнеклассическая психология имеет дело с жизнью как потоком хаотически меняющегося и неопределенного разнообразия. Однозначности здесь нет, и, исходя из этой логики, В. Франкл в своей концепции подчеркивает, что всякий смысл ситуативен, он существует только в данном контексте, смысл здесь должен быть найден, сотворен и не переносится в другой контекст. Суть постнеклассической парадигмы психологии состоит в переходе от систем — к судьбам (как образно выразился в свое время Л.С. Выготский), от систем — к сетям (эти идеи развивают в мире образования А.М. Лобок и А.В. Цирюльников), от предметов — к проблемам

(это направление исследований претворила в жизнь французская историческая школа «Анналы»), от однозначных текстов — к множественности интерпретаций и игре стилями (подход, связанный с работами Ю.М. Лотмана). Иными словами, постнеклассическая психология — это такое состояние знания, в котором различные научные теории (понимаемые как модели, описывающие отдельные аспекты психической реальности) составляют взаимосогласованную сеть.

Сформулируем принципиальные отличия постнеклассической рациональности от неклассической [9; 10].

- Если вдохновителем *неклассической психологии* выступила прежде всего *теоретическая физика*, то на становление *постнеклассической психологии* (как будет показано ниже) существенное влияние оказывает *культурология*.

- Неклассическая психология развивалась в философском контексте *определенной методологии*, тогда как постнеклассическая рациональность допускает *выбор* философии и, соответственно, методологии в зависимости от задач исследования и личных предпочтений исследователя.

- Постнеклассическая рациональность предполагает открытость знания новому опыту, междисциплинарный дискурс, толерантность, вызванную «парадигмальными прививками» (В.С. Степин). Неклассическая рациональность едва допускала субъективность исследователя и придерживалась веры в объективность мира, тогда как постнеклассическая психология развивает идеи о *социальном конструировании реальности* и особой *креативности субъективного опыта*.

- Представление о развитии в неклассической рациональности связано с эволюционными идеями и поиском *универсальных законов*; в постнеклассической рациональности развитие мыслится в категориях «взрыва», «бифуркации» и

«сензитивных периодов», когда особое внимание уделяется расшифровке *внутренней логики развития*, отражением которой выступают сюжеты самостроительства в культуре, феноменологические зарисовки судьбы и призвания человека. В качестве примера обратимся к биографии А. Эйнштейна, который в детстве значительно «задержался» в развитии. Гению в целом — это образцы собственной логики развития.

- Если разработки неклассической психологии были связаны с овладением человека своим поведением, то постнеклассическая психология (следуя находам постструктурализма) сосредоточивается на средствах защиты человека от экспансии власти и идеологии. Если «главный принцип неклассической психологии — принцип вмешательства в реальность» [2, с. 457], то постнеклассическая психология берет на вооружение принцип *«благоговения перед развитием»*.

- Классической рациональности свойствен механический и биологический детерминизм. Неклассическая рациональность имеет дело с социодетерминизмом. Постнеклассическая рациональность связана с ситуативным детерминизмом, здесь на передний план выходят свобода воли и свобода выбора.

- Интеллектуальным стилем неклассической рациональности выступал *объективизм*, тогда как в постнеклассической рациональности приветствуется *культурная аналитика*. Понятия в постнеклассической рациональности не столько логические абстракции, сколько типологические черты или идеальные модели. Объектом исследования являются уникальные саморазвивающиеся системы. Предмет исследования нередко предстает как *текст* и к нему применяется *семиотический дискурс*.

- Социокультурным контекстом неклассической рациональности является

индустриальное общество, тогда как постнеклассическая рациональность развивается в социокультурном контексте информационного общества и постмодернистской культуры.

- Ментальное новообразование постнеклассической рациональности — *сверхрефлексивность*, т.е. способность критического самоосмысления в меняющихся исследовательских контекстах; произвольное владение «линзами», через которые ученые, согласно Т. Куну, смотрят на мир. В неклассической рациональности установки видения достаточно жестко закреплены за научным сообществом, и способность менять «гештальт» возникает в исключительных случаях, а именно в ситуациях смены парадигм.

- Эгоцентризм психологических концепций, свойственный классической и неклассической рациональности, сменяется в постнеклассической рациональности установкой на *коммуникативность* (Ю. Хабермас). Если неклассическая методология поверяла истину практикой, то для постнеклассической психологии истинность обретается в согласованности теории и практики как синхронистичных линий развития. Так, когда психотерапевтическая практика созвучна постмодернистскому дискурсу, это доказывает существование «нового измерения», которое проецируется и в практическую психологию, и в постмодернизм.

- С организационной стороны постнеклассическая наука характеризуется ростом междисциплинарных исследований, поскольку ее объекты как *уникальные саморазвивающиеся системы* «многоклеточны», многомерны и требуют практической реализации принципа дополненности.

Отметим также, что вызовы неклассической психологии были вызовами преодоления дихотомий: разнообразие психологического знания и единство предмета психологии; физическое и духовное,

физиологическое и психическое как две стороны исследования человека в мире; естественно-научная и гуманитарная направленность психологических исследований; предмет психологии — объект и в то же время субъект; как заведомо субъективными методами достичь объективности; как преодолеть разрыв между абстракцией психологических теорий и конкретикой прикладных исследований?

Преодоление кризиса неклассической психологии было намечено в ряде методологических принципов С.Л. Рубинштейна. В диссертации, защищенной в германском университете в 1914 г., С.Л. Рубинштейн доказывал, что естественно-научная методология не годится для гуманитарного знания, поскольку специфика гуманитарных наук — в их *субъектности* и *ценностной опосредованности* знания. Отсюда произрастал и принцип самостоятельности субъекта, его самодетерминации, сформулированный С.Л. Рубинштейном в статье 1922 г. «Принцип творческой самостоятельности».

Помимо *методологического принципа единства сознания и деятельности* (просвечивать психику через деятельность), С.Л. Рубинштейн обогатил психологию *принципом детерминизма* (внешние причины действуют исключительно через внутренние условия), *принципами субъектности, саморазвития* (в творческой деятельности рождается творец).

С.Л. Рубинштейн по своим методологическим предпосылкам был неокантианец, он учился в г. Марбург у Г. Когена, и основной темой его размышлений являлась проблема метода. Неокантианское воспитание позволило С.Л. Рубинштейну в его поздней работе — «Человек и мир» — наметить преодоление позитивизма марксистской методологии по трем позициям: 1) человек есть не только олицетворение общественных отношений; 2) история мира не сводится к классовой борьбе и переходу от одной общественно-исторической

формации к другой; 3) природа есть не только нечто внешнее для человека, но и его внутренняя природа [19].

Один из названных «коанов» — антиномия телесного и духовного — был разрешен С.Л. Рубинштейном, который сформулировал методологический принцип единства сознания и деятельности и тем самым открыл возможность изучать сознание, «просвечивая» его через деятельность. Решение другого «коана» — дилеммы субъекта и объекта — предложила гуманистическая психология, обратив основное внимание на *взаимодействие* терапевта и клиента, на диалог между ними. Более того, труды М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета также показали, что невозможно провести четкую грань между внешним и внутренним — душа, она столько же снаружи, сколько и внутри. Дилемму естественно-научного и гуманитарного в психологии Ф.Е. Василюк предложил преодолеть посредством психотехнического подхода, причем психотехническое познание он относит к постнеклассическому типу рациональности [2].

Признаком кризиса неклассической психологии стало повышение методологической рефлексии, интерес к эпистемологическим проблемам в конце XX в. Новым конструктом, преодолевающим этот кризис, стали концепции коммуникативной и постнеклассической рациональности.

Переход к *постнеклассической психологии* обусловлен стремлением к интеграции психологического знания. На этом этапе происходит понимание сетевой природы знания, стремление к коммуникации, взаимосогласованности психологических теорий. Это означает, что *в насыщенном информационными возможностями мире любая психологическая теория должна учитывать содержание других психологических теорий* (развитие же информационных технологий значительно упрощает эту задачу).

Иными словами, наступившее постнеклассическое состояние науки позволило разрешить кажущееся противостояние между «науками о природе» и «науками о духе». Возник общенаучный метаязык, междисциплинарный дискурс; стал неактуальным выбор единственно верного и неизменного методологического ориентира. Психология стала осознать себя изменяющейся сетевой наукой в изменяющемся сетевом мире.

Специфика психологического знания

Психология — наука исключительная по ряду особенностей. Психология исключительна своей коммуникативностью — способностью впитывать и использовать достижения других наук, будь то физика, химия, биология или гуманитарное знание. Психология исключительна своей несводимостью к единой теории, единой концепции. История науки доказывает, что невозможна единая психология. Психология существует, представленная веером разнообразных направлений, и задача постнеклассического этапа ее развития сводится к превращению этого веера в паутину, во взаимосвязанную сеть знания. Психика — многомерная реальность, и каждое из направлений исследует свой аспект психического. В конце XX в. в таком разнообразии психологических школ научились видеть не недостаток, а достоинство. Разные подходы и теории стали рассматриваться как взаимодополнительные. Например, если концепция Л.С. Выготского ориентирована на социализацию психики, то К. Юнг исследовал процессы индивидуации личности; если Г.Г. Шпет развивал типологический анализ психического, то А.А. Потебня ставил по главу угла генетический анализ, и т.д. Современный психолог не должен быть рабом какой-то одной концепции, потому что всякий взгляд на мир ограничен своей перспективой. Современный психолог учится сопоставлять

разные концепции и понимать, где лучше работает та или иная.

Но если мы пойдем дальше в своем анализе необычности психологии, то заметим, что психология разнопредметна. Проблема предмета психологии не решается путем споров, какой предмет лучше — бессознательное или деятельность, а в зависимости от конкретных исследовательских задач, в зависимости об собственных интересов и пристрастий ученый выбирает предмет и единицу анализа (такой единицей может стать действие, слово, поведенческий акт или судьба человека в целом).

Психология, как и любая из гуманитарных наук, довольно чувствительна к происходящему за ее пределами. Поэтому наступившее в XXI в. методологическое изобилие вполне может стать питательной средой для развития постнеклассической психологии.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М., 1990.
2. *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.
3. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990.
4. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
5. *Гваттари Ф., Делез Ж.* Трактат о нематодологии // Новый круг. 1992. № 2. С. 183–187.
6. *Гирц К.* Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997. С. 115–138.
7. *Гренье Ж.И.* Размышления о «критическом повороте» // Одиссей. Человек в истории / под ред. А.Я. Гуревича. М., 2005. С. 138–151.
8. *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004.
9. *Гусельцева М.С.* Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 5–15.
10. *Гусельцева М.С.* Методологические кризисы и типы научной рациональности // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3–15.
11. *Гусельцева М.С.* Культурная психология: методология, история, перспективы. М., 2007 (в печати).
12. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.
13. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Петроград, 1922.
14. *Ланге Н.Н.* Психический мир. М.; Воронеж, 1996.
15. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1994.
16. *Марцинковская Т.Д.* Российская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М., 1994.
17. *Мясоед П.А.* Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3–18.
18. *Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
19. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
20. *Сантаяна Дж.* Прогресс в философии // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 124–131.
21. *Соловьев В.С.* Философское начало цельного знания. Минск, 1999.
22. *Степин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М., 2000.
23. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987.
24. *Юревич А.В.* Социальная психология науки. СПб., 2001.
25. *Ярошевский М.Г.* Историческая психология науки. СПб., 1995.
26. *Ярошевский М.Г.* Социальные и психологические координаты научного творчества // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 118–127.
27. *Ястребицкая А.Л.* Повседневность и материальная культура средневековья // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 84–102.